12+

АРХИТЕКТОР ЧУЖОЙ ТИШИНЫ

П. Лихачева

П Лихачева
Архитектор чужой тишины

https://litres.ru/74817928
ISBN 9785007156417

Аннотация

Он стер из памяти все, что делало его человеком.

Она продает чужие чувства, чтобы заглушить свою пустоту.

Добро пожаловать в Этерию. Город вечных сумерек, где небо меняет цвет от выбросов переработанных воспоминаний.

Здесь серебро в ампулах — это логика, золото — радость, а багровый цвет — невыносимая боль «Забвение».

Содержание

Глава 1 6
Глава 2 11
Глава 3 18
Конец ознакомительного фрагмента. 24

Архитектор чужой тишины

П Лихачева

© П Лихачева, 2026

ISBN 978-5-0071-5641-7
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Он стер из памяти все, что делало его человеком.

Она продает чужие чувства, чтобы заглушить свою пустоту.

Добро пожаловать в Этерию. Город вечных сумерек, где небо меняет цвет от выбросов переработанных воспоминаний.

Здесь серебро в ампулах — это логика, золото — радость, а багровый цвет — невыносимая боль «Забвение».

Илиан Вэнс — лучший Архитектор города. Его разум — крепость, лишённая эмоций. Он идеально подходит для работы с чужими травмами, потому что сам давно ничего не чувствует.

Мира — фальшивомонетчица с нижнего яруса. Она создает иллюзию чувств для тех, кто готов платить. Она ненавидит Архитекторов за то, что они превращают жизни в стерильный чертеж.

Их связывает заказ на создание «идеального прощения» для умирающего тирана. Единственный человек, способный его синтезировать это Мира. Но чем глубже они погружаются в чужие чувства, тем яснее Илиан понимает: его собственная пустота — это не случайность. И ключ к ней спрятан в сердце девушки. Но и с клиентом не все просто.

Глава 1

Илиан Вэнс не любил дождь. Он был хаотичным, не подчинялся его сетке координат. Проникал под воротник, размывал контуры города и еще он пах. А Илиан предпочитал запахи, которые можно отменить одним нажатием кнопки.

Он шел по узкому переулку Нижнего Яруса, стараясь не касаться стен. Его белое пальто из синтетического волокна отталкивало грязь, но не могло защитить от звуков. Но здесь, на улице Этерии, звуки казались грязными: гудение неоновых вывесок, крики торговцев и плач тех, кто продал слишком много своих воспоминаний.

Илиан проверил время на внутренних часах. 23:14. Пульс — 60 ударов в минуту. Идеально. Он остановился перед тяжелой металлической дверью, на которой не существовало ни номера, ни названия. Только символ — перевернутые песочные часы. Илиан постучал три коротких, один длинный.

Дверь открылась не сразу. Когда она наконец-то отъехала в сторону, на Илиана обрушилась волна запахов: жареный миндаль, старые книги, озон после грозы и что-то еще — сладковатое, терпкое. У него слегка закружилась голова.

— Мы закрыты, — раздался голос из полумрака. — Если тебе нужны сны умерших родственников, иди в «Мнемозину». Если хочешь забыть, как тебя бросили, тебе не по адресу. Я не стираю. Я только подделываю.

Илиан шагнул внутрь, позволяя двери закрыться за его спиной. Отсекатель звука мгновенно отрезал шум улицы. В помещении стало тихо. Слишком тихо.

— Я не за забвением — произнес он ровным, лишенным эмоций голосом. — Мне нужен фальшивомонетчик. Я Архитектор. Меня зовут Илиан Вэнс.

Из тени в свете единственной настольной лампы вышла девушка. Ее волосы собраны в небрежный пучок, из которого выбивались пряди цвета воронова крыла. На пальцах — тонкие серебряные кольца, а на шее, чуть выше ключицы, виднелся бледный шрам в форме молнии.

— Архитектор, — протянула она насмешливо. — Стерилизатор мозгов. Строитель красивых клеток для богатых идиотов, которые не могут пережить развод или смерть собаки. Что тебе нужно, Вэнс? Пришел проверить, не нарушаю ли я патентные права на чужую ностальгию?

— Мне нужна твоя помощь — сказал он, доставая из внутреннего кармана тонкую стеклянную ампулу с серебристой жидкостью — чистой, неразбавленной логикой. — У меня есть заказ. Клиент умирает. Ему восемьдесят два года. Он построил империю, раздавив сотни людей. Теперь он хочет уйти с миром, но его «дворец памяти» разрушается. Его вина съедает структуру. Мне нужно создать для него якорь. Ощущение абсолютного, всепрощающего принятия.

Мира фыркнула, вытирая руки о грязную тряпку.

— И ты хочешь, чтобы я сварила ему прощение? Из чего?

Из слез раскаяния и дешевой синтетики? Это не мой профиль, Архитектор. Прощение — это не эмоция. Это процесс. Его нельзя разлить по ампулам.

— Я заплачу, — спокойно сказал Илиан. — Чем ты хочешь? У меня есть доступ к архивам Верхнего Яруса. Я могу достать тебе воспоминание о том, как пахнет солнце на экваторе. Настоящее. Не записанное с голограммы.

Мира замерла. Ее пальцы, игравшие с серебряным кольцом, остановились. Она посмотрела на него иначе. В ее глазах мелькнуло что-то похожее на голод, но тут же сменилось холодной осторожностью.

— Солнце на экваторе, — проговорила она тихо. — Звучит заманчиво. Но ты не понимаешь, Вэнс. Чтобы создать «прощение», мне нужно погрузиться в его вину. А чтобы погрузиться в его вину, мне нужен проводник. Мне нужен ты.

Илиан нахмурился. Его пульс дал сбой. 62 удара.

— Мои нейронные связи закрыты для внешнего вмешательства. Я Архитектор. Мой разум — это крепость.

— Твой разум — это морг, — отрезала Мира. — Ты сам себя выпотрошил. Я читала досье. Ты удалил все, что мешало тебе работать. Ты не чувствуешь ни радости, ни горя. Ты — идеальная пустота. А пустота — лучший проводник.

Она подняла руку и коснулась пальцем его виска. Илиан вздрогнул. Внезапно во рту появился вкус меди, он услышал звон разбитого стекла и почувствовал, как по щеке течет что-то горячее, но это были не слезы, а чужое воспоминание.

Чей-то смех. Чья-то рука, запутавшаяся в его волосах. И острое чувство потери, такое сильное, что его белый мир на секунду окрасился в багровый. Пульс — 110, 120. Дыхание сбилось.

Мира смотрела на него, ее глаза широко раскрыты, а на щеках выступили красные пятна. Она дышала тяжело, словно только что пробежала марафон.

— Что ты… — он сглотнул, пытаясь взять себя в руки. — Что ты сделала?

— Я заглянула внутрь, — прошептала она. — Ты дурак, Вэнс. Большой, стерильный дурак.

— Объясни.

Мира отступила на шаг, обхватив себя за плечи, словно ей стало холодно.

— Ты думаешь, ты стер из головы боль, чтобы стать лучшим Архитектором? Ты думаешь, ты удалил свое прошлое, потому что оно было ненужным? — Она посмотрела ему прямо в глаза, и он впервые за последние пять лет почувствовал, как по позвоночнику пробегает ледяной ток.

— Ты не стер боль, Архитектор, — прямо сказала она. — Ты стер меня. Но ты оставил форму. Твоя голова пуста не потому, что ты ничего не чувствовал. Она пуста, потому что кто-то выжег там дыру размером с целую жизнь. И эта дыра… она имеет мои очертания.

В комнате повисла звенящая тишина. Теперь она казалась оглушительной.

— Я не возьму твой заказ — сказала Мира.

Она отвернулась и начала нервно собирать со стола стеклянные колбы. — Уходи. И не возвращайся, пока ты не вспомнишь, за что именно ты меня простил.

Глава 2

Илиан не ушел. Он застыл посреди комнаты, не зная, куда деть руки, и смотрел, как Мира нервно, с лязгом расставляет колбы. Одна склянка качнулась на краю, она поймала ее на лету и тихо выругалась. Она не просто злилась — ее колотило.

— Ты не понимаешь — сказал он, и его обычно ровный голос прозвучал глухо. — У меня нет выбора. Клиент — Виктор Крэйн. Если я не выполню заказ, меня лишат лицензии. Меня сотрут из реестра Архитекторов. Я стану никем.

Мира замерла, медленно обернувшись. В ее глазах читалась жалость, смешанная с болью.

— Крэйн, — повторила она. — Тот самый Крэйн? Который построил завод по переработке воспоминаний в Нижнем Ярусе? Тот, из-за которого сотни людей навсегда потеряли свои воспоминания?

Илиан кивнул, чувствуя, как внутри него поднимается волна напряжения.

— Он умирает. Рак мозга. Ему осталось три недели. Он хочет уйти с миром. Он готов заплатить любую цену.

— Любую цену, — Мира хрипло рассмеялась и швырнула инструменты в кожаный чехол. Молния заела, она рванула ее со злостью. — Знаешь, сколько людей он искалечил? Сколько семей разрушил, скупая их воспоминания за бесце-

нок, а потом продавая богачам на Верхнем Ярусе как «аутентичный опыт»? Моя мать была одной из них. Он купил у нее воспоминания о моем отце. Она забыла его лицо. Забыла, как он смеялся. А он… Он продал их какой-то старухе, которая хотела почувствовать, каково это — быть любимой.

Илиан молчал, не в силах ответить. Он знал эту историю. Знал все эти истории, но сейчас они не имели значения. Важен только пульс, который снова начал сбиваться. 75 ударов. 80.

— Мне все равно, кто он — бросила Мира, застегивая чехол. — Я не буду помогать ему. И тебе советую отказаться. Скажи, что не справляешься. Скажи, что ему нужен другой Архитектор.

— Другого Архитектора нет, — уверенно ответил Илиан, чувствуя, как его голос дрожит. — Я единственный, кто может работать с такими сложными случаями. И… Я не могу отказаться.

Он замолчал, не зная, как выразить то, что терзало его изнутри. Что-то внутри него, глубоко под слоями стерильности и контроля, шептало, что он должен это сделать. Что это важно. Не для Крэйна. Не для лицензии. Для чего-то большего.

Мира посмотрела на него внимательно, ее взгляд стал мягче, почти сочувствующим.

— Ты не помнишь, да? — спросила она с грустью.

— Что именно? — Илиан почувствовал, как внутри него

что-то сжимается.

— Почему ты на самом деле стал Архитектором? Почему ты стер все, что делало тебя… тобой?

Он не ответил. Вопрос застал его врасплох, и в этот момент он почувствовал, как что-то внутри него, глубокое и темное, начинает пробуждаться. Пустота, которую он пытался скрыть, вдруг начала обретать форму.

— Я не помню, — признался он тихо. — Я знаю только, что пять лет назад я проснулся в больнице. Без воспоминаний о прошлом. Без эмоций. Врачи сказали, что я сам стер их. Что это был мой выбор. Но я не помню, почему.

Мира подошла к нему ближе, и Илиан снова почувствовал знакомый запах — дождь, ваниль, озон. Ее присутствие было как электрический разряд, от которого его идеально настроенная нервная система начинала давать сбои.

— Ты стал Архитектором, потому что хотел помогать людям — сказала она мягко, но в ее голосе звучала грустная нотка. — Ты верил, что можешь облегчить чужую боль, создавая для них безопасные места в их головах. Ты был идеалистом. Романтиком. Ты верил, что любовь может спасти мир.

Она усмехнулась, но в этой усмешке не было злости. Только горечь.

— А потом ты встретил кого-то, — продолжила она. — И эта любовь оказалась слишком сильной. Ты начал чувствовать чужую боль так остро, что она разрушала тебя. Ты физи-

чески ощущал страдания каждого клиента. Ты не мог спать. Не мог есть. Ты умирал от эмпатии.

Илиан слушал, чувствуя, как пульс начинает стучать все быстрее. Его руки начали дрожать.

— И тогда ты принял решение — сказала Мира, и ее голос стал тверже. — Ты стер ее. Ту, которую любил. Потому что только она вызывала у тебя такие сильные чувства. Только она была источником твоей боли и твоей силы. Ты думал, что если удалишь ее, то сможешь снова работать. Сможешь снова помогать людям, не разрушая себя.

— Но я не справился, — прошептал Илиан, чувствуя, как в груди стало так тесно, что захотелось расстегнуть воротник… — Я не смог полностью ее удалить. Осталась… дыра. Форма.

— Да, — кивнула Мира, и в ее глазах блеснули слезы. — Осталась дыра в форме меня.

Они стояли молча, глядя друг на друга. Между ними висела тишина, но теперь она была наполнена чем-то невидимым, но ощутимым. Чем-то, что оба они боялись назвать.

— Почему ты не сказала мне? — спросил Илиан, чувствуя, как его голос дрожит. — Когда я пришел к тебе сегодня. Почему ты не сказала сразу, что я стер тебя?

Мира отвернулась, вытирая слезы тыльной стороной ладони.

— А какой смысл? — сказала она глухо. — Ты принял решение. Ты выбрал безопасность. Ты выбрал пустоту вместо

боли. И я не имела права разрушать твой выбор. Даже если…

Она запнулась, прикусывая губу.

— Даже если это убивало меня каждый день, — закончила она тихо.

Илиан сделал шаг к ней, рука сама поднялась, пальцы дрогнули в воздухе в паре сантиметров от ее плеча, но он отдернул их, словно обжегся.

— Мира, — произнес он, и его голос дрогнул. — Я хочу вспомнить. Я хочу знать, кем я был. Кем мы были.

Она резко обернулась, покачала головой. Ее взгляд был полон боли и решимости.

— Это опасно, Илиан. Если ты начнешь вспоминать, все вернется. И хорошие моменты. И боль. Ты можешь не выдержать. Ты можешь снова сломаться.

— А если не вспомню? — тихо спросил он, чувствуя, как внутри него борются страх и надежда. — Если останусь таким? Пустым? Безопасным? Это вообще жизнь?

Мира посмотрела на него долго и внимательно, словно пытаясь найти в его глазах подтверждение того, что он правда готов. Потом тяжело выдохнув провела ладонью по лицу.

— Хорошо, — сказала она наконец, и в ее голосе прозвучала решимость. — Я помогу тебе. Но не для Крэйна. Для тебя. Мы найдем способ вернуть тебе память, не разрушив тебя. А потом… потом посмотрим, смогу ли я помочь с заказом.

Илиан кивнул, чувствуя, как что-то внутри него начинает

оттаивать. Это было страшно, неправильно. Но впервые за пять лет он почувствовал, что делает что-то важное.

— Как мы начнем? — спросил он, его голос звучал глухо, но в нем слышалась решимость.

Мира достала из стола два тонких стеклянных диска, похожих на контактные линзы, но с серебряными нитями, вплетенными в их структуру.

— Это нейронные мосты, — объяснила она, аккуратно передавая один из дисков Илиану. — Мы подключимся друг к другу. Я войду в твой разум, но не как Архитектор. Как исследователь. Мы будем искать следы того, что ты стер. Но предупреждаю — это будет больно.

Илиан взял диск, чувствуя его холод и гладкость. Его пальцы дрожали.

— Я готов — сказал он, глядя на Миру.

Мира встала перед ним и аккуратно прикрепила диск к его виску. Щелчок, холодная игла вошла под кожу. Он вздрогнул, но не отстранился. Затем она прикрепила такой же диск себе.

— Закрой глаза, — прошептала она тихо. — И думай о чем-нибудь спокойном. О чем-нибудь безопасном.

Илиан закрыл глаза, пытаясь сосредоточиться на ее словах. Он попытался представить свою белую квартиру, стерильные стены, тишину. Но образы рассыпались. Вместо них в его голове всплывали обрывки воспоминаний: запах корицы, смех, чьи-то руки в его волосах, вкус клубники с саха-

ром.

— Не сопротивляйся, — услышал он голос Миры, который теперь звучал не снаружи, а внутри его головы. — Позволь мне войти.

И он позволил. Сначала было темно. Абсолютная, беспросветная тьма. Потом, словно кто-то зажег спичку в огромном зале, начали появляться образы. Размытые, искаженные, но настоящие. Он увидел себя моложе. Себя, который смеялся. Себя, который держал за руку девушку с темными волосами. Девушку, которая смотрела на него так, словно он был всем миром.

— Илиан, — голос Миры прозвучал в его голове, и в нем слышались слезы. — Держись. Мы только начинаем.

И темнота вокруг них начала расступаться, открывая то, что он так долго прятал. То, что он так отчаянно пытался забыть.

Глава 3

Сначала был свет. Не белый, стерильный свет его квартиры, не холодное сияние ламп в кабинете Архитектора. А теплый, золотистый, густой, как мед. Он лился откуда-то сверху, пробиваясь сквозь листву, и пах… скошенной травой. И чем-то еще. Чем-то, от чего у Илиана, даже здесь, внутри собственного разума, перехватило дыхание.

— Лови!

Голос был женский. Звонкий, с легкой хрипотцой, как после долгого смеха. Знакомый до боли в груди. Илиан моргнул. Он стоял на поляне. Вокруг — высокие деревья с листвой цвета изумруда, залитые послеполуденным солнцем. Воздух был живым, подвижным, полным звуков: стрекотание кузнечиков, шелест ветра — все это было таким… громким. После пяти лет тишины каждый звук бил как молотком. ***Смех.***

Его собственные уши были настроены на тишину. И теперь, когда эти звуки коснулись его, он почувствовал, как что-то внутри него трескается. Тонко, аккуратно, словно лед на весеннем озере.

— Илиан, ты что, оглох? Лови же!

Он опустил взгляд. В его руках — спелая клубника. Крупная, красная, с крошечными семечками, поблескивающими на солнце. Он не помнил, откуда она взялась. Но пальцы

сжимали ее так крепко, что из ягоды выступил сок, теплый и липкий.

А потом он увидел ее. Мира. Не та, что стояла перед ним час назад в своей подвальной мастерской, с усталостью в глазах и шрамами на шее. А другая — молодая, смеющаяся, с растрепанными волосами и пятнами краски на пальцах. Она сидела на траве, поджав ноги, и смотрела на него так, словно он был единственным человеком на свете.

— Ты опять задумался — сказала она, и ее голос был таким настоящим, что Илиан почувствовал, как у него перехватывает горло. — Архитектор мой несчастный. Ты вечно строишь что-то в голове, а потом удивляешься, что реальность не соответствует чертежам.

Он хотел ответить. Хотел сказать ей что-то — что-то важное, что-то, что он, возможно, помнил даже здесь, в этом осколке прошлого. Но голос не слушался. Он был наблюдателем. Призраком в собственном воспоминании.

Мира встала, отряхнула юбку и подошла к нему. Ее ладонь легла ему на щеку — теплая, живая, с мозолями на пальцах от работы с инструментами.

— Посмотри на меня, — прошептала она. — Не на свои схемы. На меня.

И он посмотрел. В этот момент он почувствовал это. То самое. То, от чего когда-то сломался.

Любовь.

Не та, о которой пишут в книгах. Не та, что показывают

в голографических фильмах. А настоящая — тяжелая, всепоглощающая, пугающая. Она обрушилась на него волной, такой мощной, что он физически ощутил, как его грудная клетка сжимается. Это было не просто чувство. Это было знание. Знание того, что эта девушка — центр его вселенной. Что ее смех важнее, чем все его чертежи. Что если она заплачет, он умрет. Буквально. Физически.

И вместе с любовью пришла боль. Потому что он чувствовал ее. Каждую ее мысль. Каждое ее сомнение. Он ощущал, как она устала, как ей холодно, хотя на поляне тепло. Как она боится, что он однажды уйдет, потому что он слишком… слишком много чувствует. Он вбирал в себя ее тревогу, как губка, и она становилась его собственной.

— Илиан? — голос Миры дрогнул. — Ты опять… ты опять меня чувствуешь, да?

Он кивнул. Не в воспоминании — там он был беспомощным наблюдателем. Но где-то глубже, в том месте, где его настоящее «я» было приковано к этому моменту, он кивнул.

— Это невыносимо, — прошептала она, и по ее щеке покатилась слеза. — Ты чувствуешь, как мне страшно. Ты чувствуешь, как я боюсь тебя потерять. И это разрушает тебя. Я вижу.

Она прижалась лбом к его груди.

— Мы должны что-то сделать — сказала она глухо. — Пока ты не сгорел. Пока от тебя не осталось ничего.

Внутри воспоминания

Илиан закричал. Беззвучно, отчаянно. Он хотел сказать ей: «Нет, не надо. Я выдержу. Я хочу чувствовать тебя. Даже если это убивает меня». Но он был лишь эхом.

А в реальности — в подвальной мастерской, в кожаном кресле, с серебряными дисками на висках — его тело начало сотрясаться.

— Илиан! — голос Миры прозвучал уже не в воспоминании, а рядом. Она видела, как он бледнеет. Как его пальцы впиваются в подлокотники. Как из уголка его глаза медленно, словно против его воли, скатывается слеза.

— Держись, — шептала она, не разрывая соединения. — Еще немного. Посмотри до конца.

И он посмотрел. Воспоминание переместилось. Поляна исчезла. Теперь они были в маленькой комнате — его старой квартире, той, что он давно продал. На стенах — чертежи. На столе — разбросанные ампулы с памятью. А на кровати лежал он сам. Настоящий. Тот, пятилетней давности. Он был бледен. Его руки дрожали. Из носа текла кровь — тонкая струйка, которую он даже не замечал.

Мира стояла рядом, прижав ладонь ко рту.

— Хватит, — сказала она. — Илиан, хватит. Ты умираешь. Я вижу. Твое тело больше не выдерживает.

— Я… не могу… тебя… не чувствовать, — прохрипел он с кровати.

Каждое слово стоило ему усилий.

— Это… как если бы мне вырвали сердце. Но оно все еще бьется. Где-то в тебе.

— Тогда я уйду — сказала она, и ее голос сорвался. — Я уеду. Ты не будешь меня чувствовать. Ты выздоровеешь.

— Нет. — Он с трудом поднял голову. — Если ты уедешь… я умру от тоски. Это я знаю. Я уже видел. В своих… схемах.

Она заплакала. Тихо, беззвучно, так, как плачут люди, которые слишком устали, чтобы кричать.

— Тогда есть только один выход, — прошептала она.

Илиан — тот, на кровати — посмотрел на нее долгим, тяжелым взглядом. И кивнул.

— Ты уверен? — спросила она. — Ты понимаешь, что это значит? Ты не просто забудешь меня. Ты забудешь, кем ты был, когда был со мной. Ты станешь… другим.

— Я стану выжившим, — ответил он. — А ты… ты будешь жить. Без меня на шее. Без моей боли в твоей голове.

Мира закрыла лицо руками. Ее плечи тряслись.

— Не хочу… — прошептала она. — Я не хочу, чтобы ты меня забыл. Это… это хуже, чем если бы ты умер.

— Я не умру — сказал он мягко. — Я просто… перестану быть собой. Но буду жить. А ты — ты будешь знать. Ты всегда будешь знать.

Он протянул ей руку. Она взяла ее. Их пальцы сплелись. А потом он взял со стола ампулу. Черную. Матовую. «Забвение».

Илиан — тот, что в кресле, в подвале, в настоящем — почувствовал, как его грудь разрывается. Это было не воспоминание. Это было переживание. Он снова, спустя пять лет, чувствовал, как ампула касается его виска. Холодное стекло — щелчок активатора. Как Мира плачет, прижимаясь лбом к его плечу.

— Прости меня, — шептала она. — Прости, что я была такой. Прости, что любила тебя так сильно, что это тебя убило.

— Я прощаю, — ответил он. — Еще до того, как забуду. Я прощаю тебя заранее. За все, что будет.

Щелчок. И тишина.

— Илиан!

Он открыл глаза. Мир качнулся. Над ним склонилась Мира — настоящая, сегодняшняя, с красными глазами и мокрыми щеками. Она сорвала с него диск и теперь прижимала его голову к своей груди, обхватив руками, словно боясь, что он рассыплется.

— Ты вернулся, — шептала она. — Ты вернулся, ты вернулся…

Илиан лежал неподвижно. Его тело дрожало мелкой, частой дрожью. Пульс — 140. Дыхание рваное. По щекам текли слезы — настоящие, горячие, которых он не помнил с детства.

— Я помню, — прохрипел он. — Я помню… клубнику. Поляну. Как ты плакала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.